

МАРС ЖЕСТОК?

Константин СИТНИКОВ.

События, на которых основан рассказ, реальны и произошли в 2031 году.

Когда взорвался бак с жидким водородом, Сандра поняла: это конец. Мимо пролетели, вращаясь, куски солнечной батареи. Чьё-то тело без скафандра с силой ударило об иллюминатор и исчезло в атмосфере планеты. Дональда, а может, Раджаван.

Межпланетный марсианский комплекс разваливался на глазах. Эфир наполнился голосами:

— Господи, Чен, ты видел это?

— Жилой модуль — потеря герметичности!

— Двигатели не работают...

— Мы падаем... падаем!.. па...

Если она не примет решение сейчас, другого шанса не будет. Сандра активировала скафандр и нажала кнопку расстыковки: единственное, что она могла сделать в сложившейся ситуации.

Большой белый цилиндр жилого модуля с торчащими по краям складским модулем и кораблём возвращения удалялся, медленно кувыркаясь в пустоте. Он словно давал ей возможность разглядеть себя со всех сторон. Потом он вошёл в атмосферу, и его охватило пламя — последнее, что увидела Сандра перед тем, как закрыть контейнер.

Она оставалась спокойной и собранной, потому что её учили быть спокойной и собранной. В любой ситуации. Она отключила весь свет, кроме аварийного, опустила шторы на иллюминаторах и приступила к манёвру.

Заходить на посадку без точных предварительных расчётов — безумие. Но выбора нет. Она начала торможение. Когда топливо выгорело и произошёл сброс тормозной двигательной установки, скорость падения всё ещё была слишком высокой.

Как ни разрежена атмосфера планеты, трение давало о себе знать. Из-за непрерывной вибрации предметы казались

размазанными. Тряхнуло. Сверху упал багровый отсвет — это оторвалась и исчезла крышка аэродинамического контейнера. Сандра даже не знала, так было запрограммировано или её просто сорвало ветром. Шторку иллюминатора очертил багровый ореол бушующего пламени.

Почти сразу отстрелилось днище контейнера. Вибрация сменилась резкими толчками и раскачиванием. Послышались тяжёлые удары, словно кто-то изо всей мочи колотил по обшивке кувалдой. Заработали посадочные двигатели. К толчкам, раскачиванию и вибрации добавилась тряска.

Отчаянно заверещал сигнал сближения с землёй. Сандра инстинктивно вжалась в кресло, зажмурилась.

Удар! — и чернота.

В черноте слышались голоса, и одним из них был голос отца.

— Сколько раз я говорил ей не лазить на чердак! Нет, она опять за своё. А тебе, мать, следовало бы лучше следить за дочерью-сорванцом. Вот она, твоя мягкость. Вечно с ней что-нибудь случается!

Это о ней, Сандре. Но что стряслось? Кажется, она опять откуда-то упала. Похоже, с чердака? Ну разве она виновата, что мальчишкам во дворе вздумалось поиграть в скалолазов и кто-то наступил ей на руку?

Она открыла глаза, ожидая увидеть обеспокоенное и чуточку виноватое лицо мамы. Перед глазами висела плотная кровавая пелена. Сандра сморгнула — пелена не рассеивалась.

— Мама! — позвала она.

Тишина.

— Отец!

Тишина.

Сандра шевельнулась — тело пронзила острая боль. По щекам потекли слёзы. Неожиданно кровавая пелена поредела. Размытыми пятнами проступили сквозь неё стенки и приборы взлётно-посадочного модуля. И тогда Сандра всё вспомнила.

Произошла катастрофа.

Все погибли, она одна чудом осталась жива.

Одна — на Марсе.

Когда командир группы Дональд Каллиган сообщил космонавту Сандре Дружковой, что её отобрали в международ-

На конкурсе ежегодного фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг» рассказ К. Ситникова «Марс жесток?» удостоивается специального приза журнала «Наука и жизнь».

ный экипаж для полёта на Марс, она встретила это известие с удивительным спокойствием. Для неё это было чем-то вроде покорения очередной вершины. Преодолением очередной слабости.

Она всегда считала себя слабой, нет, не физически — морально. И всегда преодолевала в себе эту слабость, словно что-то кому-то доказывала. В детстве она боялась высоты — и заставляла себя лазать по чердакам и крышам. В семнадцать стала мастером спорта и чемпионкой России по скалолазанию. В школе она слабо разбиралась в точных науках — и заставляла себя грызть гранит физики и математики. В двадцать три за плечами у неё были Бауманка, работа в конструкторском бюро и кандидатская.

Слабость привела её в Центр подготовки космонавтов, а через год в группу подготовки к марсианской экспедиции. Окружающие не знали о её слабости, а она никогда не забывала о ней. И никак не могла понять, почему другие не видят очевидного.

В тот день Sandra позвонила старшей сестре и попросила её прилететь в Хьюстон.

— Что случилось? — В голосе Анны звучало беспокойство.

— Ничего, просто прилечай.

Они сидели в кафе Центра подготовки астронавтов, пили кофе и молчали. Sandra не знала, с чего начать.

Анна первая нарушила молчание.

— Что ты хотела мне сказать?

— Я лечу на Марс. Не хочу, чтобы родители знали...

Конечно, она понимала, что родителям всё станет известно так или иначе. Она написала им письмо. Обычное письмо от руки на красивой почтовой бумаге.

«Дорогие мама и папа! Я лечу на Марс. Не волнуйтесь за меня...»

Вложила письмо в красивый голубой конверт и бросила в почтовый ящик в надежде, что они получают его уже после её отлёта.

Чего она боялась? Отцовского взгляда? Полного понимания... Но понимания не её самой, а понимания того, что *внутри* неё, её слабости.

Все знают первые слова, которые произнёс Юрий Гагарин перед стартом, а Нил Армстронг — ступив на Луну. Первыми словами Sandra Дружковой на Марсе были:

— Связь, нужна связь.

Не с Землёй, конечно: с таким мало-мощным радиопередатчиком, как на взлётно-посадочном модуле, можно связаться только с орбитальной станцией. А уж потом, через ретранслятор, — с Землёй. Но теперь, когда межпланетного марсианского комплекса больше нет...

Но ведь на орбите Марса болтаются с десяток спутников, в том числе и ретранслирующих! →

● ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

Сандра включила радио — эфир взорвался яростным треском помех. Минуту или две она шарила по дециметровому и сантиметровому диапазонам. Сплошное шипение. Похоже, песчаная буря. Мириады песчинок ударяются об антенну, образуя статические заряды электричества...

На «марсианской» станции в Арктике они так же вот потеряли связь с базой, и не на один день — на неделю. Радиостанция исправна, а связи нет! Непрохождение радиоволн.

Сандра выключила передатчик и прислушалась. Только сейчас она обратила внимание на доносящийся снаружи словно бы рыдающий вой.

Она открыла шторку иллюминатора — мельтешение неясных теней во мраке. Жёсткая крупа с хрустом ударяет о лексановое стекло. В глазах по-прежнему кровавая пелена, и всё кажется красноватым.

Неласково встречает Марс гостей. Так ведь он их не звал...

— Вот что, — сказала Сандра, — я должна что-то сделать. Иначе сойду с ума.

Для начала попробуем сесть. Главное — не обращать внимания на боль. Просто не обращать... Она закусил губу, рванулась! Кажется, она снова потеряла сознание, а когда пришла в себя, увидела, что лежит на полу.

Она попыталась сесть, и ей это удалось. Боль в спине была адская, но оказалось, её можно терпеть. А вот ног она не чувствовала. Совсем. Она перекаладывала их с места на место — сначала одну, потом другую. Они были тяжёлые и чужие.

Зато по крайней мере она способна передвигаться по модулю. Уже что-то. Значит, она сможет добраться до блока очистки атмосферы. И до холодильника. Взлётно-посадочный модуль рассчитан на тридцатидневное пребывание экипажа из четырёх человек. Одна она протянет сто двадцать дней, а то и больше, значительно больше, при разумной экономии пищи и энергоресурсов.

Тридцать дней... Предполагалось, что за это время они отыщут сброшенные ранее жилой и лабораторные модули, расконсервируют марсоход и тягач, запустят атомную электростанцию. Если бы её товарищи оказались сейчас рядом. Дональд... Раджаван... Чен... И почему она, именно она осталась жива? Потому что ей вздумалось помедитировать наедине — в самый неподходящий момент?

На мгновение Сандрой овладело отчаяние. Столь внезапное и сильное, что она потеряла контроль над собой. Она колотила руками по полу, плакала, что-то кричала.

Кажется, даже потрясала кулаками, выкрикивая то ли мольбы, то ли угрозы. Но наверху было не небо, а обшивка модуля, и вряд ли боги Марса могли её услышать.

Обессилев, она затихла. Истерика прошла так же быстро, как и началась.

В конце концов, в любой момент она может покинуть Марс — стартовать с поверхности, израсходовав топливо, — и навсегда остаться на орбите. До следующей экспедиции...

Сандра выключила свет и попыталась уснуть. Снаружи бушевала песчаная буря. Двадцатидвухтонный взлётно-посадочный, точнее, теперь уже просто взлётный модуль едва заметно вздрагивал под чудовищными ударами ветра. Девушка лежала в темноте и слушала рыдание бури.

В первую ночь на Марсе ей снилась Арктика. Канадский остров Девон, кратер Хотон. Безотрадное место на Земле. Безжизненная красновато-коричневая равнина, неровные проплешины в сетке каменных россыпей, плоские холмы, покрытые льдом и снегом. Типично марсианский пейзаж. Поэтому там и был разбит тренировочный «марсианский» лагерь.

Сандра провела там два полевых сезона, и редко столбик термометра поднимался выше минус десяти. Один раз погода испортилась настолько, что они целый месяц не могли покинуть базовый лагерь и приступить к запланированным испытаниям. И это в июле! Зимой температура падала до минус пятидесяти. Средняя температура на Марсе.

В октябре, когда сезон арктических тренировок закончился, руководитель проекта Роберт Маккей собрал их в конференц-зале — всего шестнадцать человек: восемь марсонавтов и восемь дублёров — и сказал:

— Старт запланирован на февраль. Три месяца вы будете двигаться по спиральной траектории вокруг Земли, используя её гравитацию для разгона. Потом — выход на гелиоцентрическую орбиту. Длительность полёта составит полгода. Четверо из вас совершат посадку на Марс и проведут там шестнадцать месяцев. За это время вы должны построить базу, наладить производство метана и кислорода, подготовить всё к прибытию следующей экспедиции. И помните: это лишь начальный этап проекта. Впереди — колонизация Марса.

К утру буря улеглась. Крошечное белое солнце стояло низко в сиреновом небе. Сандра смотрела в иллюминатор, как в детстве — в окно, когда выпадал первый снег,

и думала, что этого не видел ещё никто. Если ей суждено стать Робинзоном, она им станет. В сущности, все они осознавали, что путь на Марс может оказаться путём в один конец.

И, кстати, трудового договора с космическим агентством ещё никто не отменял. Кое-какая научно-исследовательская аппаратура в её распоряжении имеется. Так в чём же дело? Бери пробы воздуха, грунта. Веди наблюдения за солнечной активностью. Работай!

В тот день она начала вести дневник.

1-й сол на Марсе

Приступаю к описаниям со смешанным чувством. Я на Марсе, но товарищи мои погибли. Орбитальный комплекс уничтожен, связи нет. А это означает крах экспедиции, крушение всех планов. Но я ещё жива, и надежда тоже. Я не собираюсь опускать руки и обречённо ждать конца. Буду делать хотя бы то малое, что в моих силах. Надеюсь, тем, кто придёт за мной, это пригодится.

2-й сол

Погода прекрасная, температура днём поднялась до минус двадцати, практически курорт. А вот связи по-прежнему нет. Странно. Не иначе буря виновата. Не песчаная, так ионосферная.

3-й сол

Весь день занималась роботом-марсоходом, пытаюсь заставить его слушаться. То ли я дура, то ли он слетел с катушек. Провозилась до вечера, но так и не добилась от него взаимности.

Приписка. Прав был Маккей: на Марсе нужны не учёные, на Марсе нужны, прежде всего, ремонтники. Аховый из меня ремонтник.

4-й сол

Удалось наконец запустить мини-лабораторию и взять первые пробы воздуха. Что-то, видимо, в этой железяке всё-таки разладилось. В воздухе вместо положенных 95% углекислого газа — какие-то жалкие сотые доли. Такого не может быть, потому что не может быть никогда. Остальные показатели не лучше.

5-й сол

С первого дня меня мучил вопрос: где я примарсианилась? Так вот, судя по всему, я за Северным полярным кругом, и сейчас исход полярного дня. Во-первых, солнце за все эти дни так ни разу толком и не зашло, а во-вторых, мне ни разу не довелось наблюдать на небе ни Фобос, ни Деймос.

Порылась в электронных справочниках и вспомнила, что в высоких северных широтах это и невозможно: оба спутника имеют относительно малый наклон орбиты к экватору, так что Фобос никогда не восходит над горизонтом севернее $70,4^\circ$ с.ш., а Деймос — севернее $82,7^\circ$ с.ш.

Странная забывчивость. Хотя чему удивляться. После жёсткой посадки у меня совсем отшибло память. Например, я прекрасно помню всё, что было до старта с Земли. А вот часы, предшествовавшие злосчастному взрыву... да что там часы! Месяцы, проведённые в космосе... совершенно не помню. Это меня очень пугает.

Типичное проявление травматической амнезии — так сказал бы Чен. Нет, он сказал бы по-другому: «Ничего страшного, космонавт Дружкова, типичное проявление травматической амнезии». Он был настоящий врач и такая умница...

7-й сол

Вот и ещё одно подтверждение того, что я на северном полюсе. Сегодня удалось взять пробу грунта на анализ. Только на северном полюсе может быть столько водяного льда. Зимой он покрыт метровым слоем замёрзшего углекислого газа, но с наступлением тепла газ испаряется, обнажая тяжёлые водяные ледники. Это, кстати, может решить проблему водорода. И стоило тащить его с Земли!

А мы-то думали, воды на Марсе нет...

15-й сол

Сбор данных и образцов идёт полным ходом, причём каждый день приносит всё новые открытия. Думаю, Маккей будет доволен. Я уже представляю, как он сладострастно потирает ручки. Не он, так его преемник. Кто там будет руководить проектом через тридцать лет? А раньше, при сложившихся обстоятельствах, они сюда не сунутся. Налогоплательщики не позволят.

16-й сол

Продолжая вчерашнее... А вот что будет через тридцать лет с тобой, дорогуша? Даже если тебе повезёт и ты найдёшь жилой модуль — уверена, что сможешь протянуть здесь хотя бы половину этого срока? Вряд ли. Года три-четыре ты, пожалуй, ещё проскрипишь. А потом? Потом тихо угаснешь от облучения...

Так зачем всё это?

Скептики говорили: зачем человеку лететь на Марс? Бессмысленная трата сил и средств. Конечно, — соглашались они, — всегда найдутся смельчаки, готовые рискнуть всем. Но ради чего? То же самое,

причём с гораздо меньшими затратами и бóльшим размахом, могут сделать автоматы. И стоять это будет в сотни раз дешевле! Не говоря уже о риске для человека.

Наверно, они правы, эти скептики. Они всегда правы, и они всегда в большинстве.

Жалею ли я, что полетела? Пожалуй, нет. Несмотря ни на что. Даже если мне предстоит провести на Марсе свои сто лет одиночества...

Связь появилась на тридцатые сутки. Сандре показалось, она поймала обрывок чьих-то переговоров. Но, кроме неё, на Марсе никого не было!

— Земля! Земля! — закричала она, боясь потерять сигнал. — Здесь станция «Марс-500». Вызывает марсонавт Сандра Дружкова. Кто-нибудь меня слышит?

Сквозь треск помех пробился мужской голос:

— Станция «Марс-500»! Станция «Марс-500»! Здесь арктическая база. Оператор Сикомора. Вас слышу.

Сандра вдавила кнопку передачи.

— Станция «Марс-500» — арктической базе. Произошло крушение. Весь экипаж погиб... Дональд Смит... Раджаван Прабху... Чен Ли... Все погибли, кроме меня...

Она отпустила кнопку, переходя на приём.

— Где вы находитесь, Сандра Дружкова?

— Где-то на Северном полюсе, за полярным кругом.

— Ну, это понятно. Сейчас я вас запеленгую. Вам нужна медицинская помощь?

— А вы как думаете? — Сандра нервно хмыкнула. Потом тихо добавила: — Хотела бы я её дождаться!

Она её дождалась.

Через час на горизонте показался вертолёт.

В кабинет вошёл высокий худощавый мужчина. Он сильно сутулился и выглядел, пожалуй, старше своих пятидесяти двух. Войдя, он пригладил жёсткий ёжик седых волос.

— Мне сказали, вы нашли мою дочь?

Роберт Маккей указал на кресло, приглашая садиться. Мужчина остался стоять.

— Что с ней? — спросил он. — Она жива?

Это прозвучало так, словно он спросил: «Что вы с ней сделали? Что вы, мать вашу, сделали с моей девочкой?»

Маккей знал таких людей. Они относились к космическому агентству как к банде безответственных интриганов, коварно

заманивающих молодых, здоровых людей в сети с единственной целью — превратить их в беспомощных калек или холодные трупы.

— Сядьте, мистер Дружков, — мягко, но настойчиво сказал он. — Да, мы нашли вашу дочь. Она жива.

— В таком случае, — сказал мужчина, — могу я увидеть её?

Маккей, поколебавшись, ответил:

— Сандра в тяжёлом состоянии, мистер Дружков. Вы ведь знаете, что произошло...

Конечно, мужчина знал, что произошло, из новостей по телевизору.

Это был терракт века. Да что там века — тысячелетия! Первый терракт, совершённый в космосе, погубивший не только восемь астронавтов и четыре сотни миллиардов долларов, но и мечту человечества о покорении других планет. По крайней мере на ближайшие десятилетия.

Никто не был готов к этому. Межпланетный марсианский комплекс, собранный на низкой околоземной орбите, не успел даже стартовать к Марсу.

— В момент взрыва ваша дочь находилась во взлётно-посадочном модуле. Она смогла отстыковаться от комплекса, и это спасло ей жизнь. Она упала в Арктике.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Чтобы вы лучше поняли всё, что произошло потом. Взгляните на фотографии.

Маккей веером рассыпал на столе пачку фотографий.

— Что это? — спросил мужчина.

— Марсианская база, которую ваша дочь построила в одиночку.

— В Арктике? Но зачем?!

Маккей неторопливо собрал фотографии.

— Видите ли, — сказал он, — Сандра полагала, что находится на Марсе. При падении у неё случилась травматическая амнезия. Она забыла всё, что непосредственно предшествовало падению. Помнила только про миссию и... это единственное, что её волновало тогда. Она была уверена, что упала на Марс, и просто выполняла свою работу.

— Не понимаю, — сказал мужчина. — Построить марсианскую базу на Земле...

Какой в этом смысл? Вся эта идея с Марсом с самого начала казалась мне безумием.

— Ваша дочь видела в этом смысл, — сухо сказал Маккей. И добавил тихо: — Жаль. Жаль, что вы так и не поняли своей дочери, мистер Дружков.

Марс жесток, и всё равно они победили.

Рисунок Султана Галимзянова.